

УДК 101.1:316

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ВОЗЗРЕНИЯХ П.Б. СТРУВЕ

А.Э. Варпетян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Проанализированы особенности русской культурной традиции в философии П.Б. Струве. Выявлено, что для измерения силы и вектора культурно-исторической традиции автор использует методологические средства и содержательный потенциал социальной и экономической истории России. Философ приходит к выводу, что русские культурные традиции формировались медленно, в специфических исторических и политических условиях, в сложных внешнеполитических коллизиях. Это порождало слабость или отсутствие прочных организационных форм социальной и политической жизни. Поэтому большинство элементов культурной традиции стали «размываться» или исчезать под модернизационным натиском капитализма на рубеже XIX–XX столетий и в последующих условиях мировой войны и революции.

Ключевые слова: *П.Б. Струве, русская философия, культура, культурная традиция, история, общество, политика, экономика.*

Особенности русской культурной традиции и политики в философии П.Б. Струве раскрываются сквозь призму его исследовательского интереса к социальной и экономической истории России. Струве не был профессиональным историком, его волновали вопросы, связанные со сферой культуры, социальной философии, политики, экономики. Однако, как и многие образованные люди своего времени, он понимал, что рефлексия над историческим прошлым помогает народу, живущему в границах определенного национально-государственного образования, вырабатывать способность осмысливать и сохранять культурную традицию. Поэтому Струве не раз обращался к историческому материалу, пытаясь выявить особенности русской культуры и политической жизни в контексте прошлого своей страны.

Интерес к отечественной истории проявлялся у Струве прежде всего с практической точки зрения – вопрошать прошлое для поисков ответов на вопросы настоящего. В 1926 г. в издании «Возрождение» он прямо говорит об этом: «История никого и ничему конкретно и практически не научает, но все-таки именно пережитая история дает уроки полезные и спасительные» [5, с. 115]. Однако устойчивый интерес Струве к истории вылился в реальные текстовые формы довольно нескоро, уже в период «глубокой» эмиграции. Это было время, которое С.Л. Франк характеризовал как жизнь «на распутье», а Струве горько уточнял, что «не столько на распутье, сколько на беспутье» [14, с. 167]. Именно в это время Струве решил заняться систематическим изучением и изложением русской истории. Франк вспоминал, что все лето 1938 г. Струве провел в Лондоне, работая в Британском музее. Сам Струве признавался, что углубленно изучал в это лето историю экономической мысли «от Адама до наших дней».

Когда его спросили «от Адама Смита?», он шутливо ответил, что «нет, не от Адама Смита, а просто от Адама» [там же, с. 166].

Струве пишет Франку в письме от 31 марта 1943 года: «Сейчас я на первый план поставил свою «Русскую историю». Работа трудная, ибо я могу исторически и вообще научно работать, только соединяя широчайшие «обобщения» с детальным «исследованием», а исследовательская работа и требует необычайной точности, и поглощает много времени [там же, с. 181].

Подобными переживаниями Струве делится и со своим давним коллегой В.А. Оболенским: «Трудность этой большой работы (написание «Истории») состоит, как я уже писал, в соединении обобщений с исследованием. Обобщения у меня уже готовы, но из исследовательской привычки я должен иногда прочесть 100, 200, 500, 1000 страниц первоисточников для того, чтобы написать 1, 2, 5, 20 строчек «своего» текста» [там же, с. 182]. И в своем последнем письме Франку (1 января 1944) Струве отмечает: «Когда пишешь, то всегда в своем лице имеешь и собственного критика, придирчивого и неотвязного. Задача моя немалая: дать новый в известном смысле безжалостный синтез русской истории – не российского пространства, а русской культуры и российской государственности» [там же, с. 188].

Во введении к работе с весьма длинным названием «Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности» (Белград, декабрь 1938 г.) Струве резюмирует, что уже почти пятьдесят лет занимается социальной и экономической историей России. Он признается, что на протяжении всех этих лет ему приходилось спорить против скороспелых обобщений и трафаретных суждений в этой области, что его главной задачей является устанавливать «историческую причинно-зависимость тех экономических и социальных состояний, процессов и событий, из которых слагалась жизнь русского государства и народов России и которые привели к русской революции, политической, социальной и социалистической в одно и то же время» [13, с. 43, 46]. В исследовании особенностей русской культуры и политической жизни Струве считал необходимым руководствоваться сравнительно-историческим методом.

По наблюдению Струве, историки часто допускают три типичные ошибки: делают поспешные социологические обобщения на основе плохо усвоенного исторического материала; поддаются влиянию публицистических и социально-политических тенденций; подменяют ясные и точные понятия такими обобщающими формулами, как «феодализм», «капитализм» и т. д. Он пишет: «Мы категорически отвергаем скороспелые обобщения, опирающиеся на злоупотребления этими несчастными «измами», которые, перейдя из специальных наук в историю и социологию и превратившись в ходкие клише, стерлись до того, что утратили всякую ясность и точность» [там же, с. 45].

Стараясь избегать исследовательских ошибок, Струве тем не менее считает нужным подчеркнуть, что для него самого исторический материал теснейшим образом связан с личностными переживаниями, что, в конечном счете, исторические особенности русской культуры и политической жизни интересуют его не просто как кабинетного ученого, а как «современника русской революции». Он прямо заявляет: «Предлагаемая социальная и экономическая история есть, конечно, объективный трактат о происхождении, т.е. об исторической под-

готовке русской революции в сравнительно-историческом освещении» [там же, с. 46]. Тем самым Струве демонстрирует герменевтическую настроенность исследователя прошлого, согласно которой исторический материал воспринимается сквозь призму личностных мироощущений интерпретатора, отражающих вызовы современной культурно-исторической ситуации.

Категориальный аппарат, которым оперирует Струве, претерпевал очевидные изменения в течение всей его жизни. В 1938 г., как автор «Социальной и экономической истории России», Струве резюмирует для себя и для читателя такие ключевые понятия, как культура, общество, социальный строй, хозяйственный строй и история.

Культура. Содержательно это самое емкое для него понятие, охватывающее все, что связано с духовным и материальным существованием человека [2, с. 285]. В интенции Струве, «культурное» олицетворяет все, что связано с межлическим общением и деятельностью. В системе человеческой культуры автор выделяет семь компонентов, которые постоянно переплетаются и разворачиваются в исторически предопределенных направлениях. Это – половая и семейная жизнь, знания и наука, умение и техника, хозяйствование, право, искусство и религия [13, с. 48]. Говоря о значимости каждого компонента культуры, Струве отмечает, что порядок их перечисления может быть разным. Интересно отметить, что в этом перечне нет понятия власти, хотя оно имплицитно присутствует во всех рассуждениях философа.

Общество. У Струве это понятие вытекает из понятия «социальное», сквозь призму которого автор пытается охарактеризовать организацию жизни людей в двух регистрах властного воздействия: в форме «субординации» (господство/подчинение) и в форме «координации» (уклад/строй) [там же, с. 49].

Социальный строй. Говоря об этом, Струве не ограничивается такими характеристиками, как общественные отношения, политические черты или система юридических норм. Для автора социальный строй – это понятие гораздо более широкое и пластичное. Один и тот же социальный уклад может приобретать различные политические формы, может базироваться на различных юридических нормах, а в его недрах могут вызревать различные идеи с окраской одобрения/неодобрения существующего порядка.

Хозяйственный строй. Здесь Струве отталкивается от более сложного понятия «хозяйствование», которое представляет собой результат «деятельности, направленной на получение или добывание средств, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей» [там же, с. 50]. Субъекты хозяйствования – «хозяйства», в процессе производства и обмена средств к существованию, вступают друг с другом в различные отношения, которые порождают, в свою очередь, и особый облик хозяйственного строя общества.

История. История как наука считает Струве, имеет дело с единственными и неповторимыми состояниями («бываниями», как пишет Струве. – *А.В.*) и событиями, приуроченными к определенному месту и времени. «Историческое» всегда означает рождение нового. Исторический процесс представляет собой не только состояния и события прошлого, но и структуру (например, социальный состав населения, численность кустарных хозяйств или форма политической организации) и так называемую флюктуру (события, т.е. все изменения, переживаемые данной структурой) [там же, с. 55]. В русле многофакторной методоло-

гии Струве утверждает, что все явления прошлого взаимосвязаны и оказывают различное воздействие на ход событий и общественный уклад.

История для Струве имеет двойкий смысл: как история событий и как история, рассказывающая об этих событиях. Первая запечатлена в источниках, вторая вырабатывает общие социологические понятия, помогающие описывать событийный ряд прошлого. Такое понимание истории, по признанию самого Струве, сложилось у него под влиянием французских исследователей – представителя неопозитивизма Ш. Ренувье и экономиста, математика и философа О. Курно, немецких философов В. Виндельбанда и Г. Риккерта, а также логика и физиолога И. Криса и русского биолога В.М. Шимкевича. В русле воззрений этих исследователей Струве выделяет подвиды истории – социальную (история сословий и общественного уклада), экономическую (история хозяйствования) и политическую (история идей).

В основу периодизации истории русской культуры Струве закладывает принцип сопряженности социально-культурных изменений обществ, структура и состояние которых трансформируются под воздействием внешних новых событий. Исходя из этого, автор выделяет следующие периоды:

- Средневековье
 - раннее средневековье (850–1240);
 - среднее средневековье (1240–1500);
 - позднее средневековье (1500–1648).
- Новая русская история
 - период московский (1648–1700);
 - период петербургский (1700–1800);
 - период всероссийский (1800–1917) [там же, с. 58–61].

Особым образом Струве выделяет так называемые «порубежные» события, которые ускоряют переход от одного этапа к другому. Так, гранью между ранним и средним Средневековьем для Струве является не только признаваемое всеми историками монгольское нашествие, но и рост Литовского государства. «В силу этих двух факторов российское пространство разделяется на две области, имеющие каждая не два, а некоторое множество государств, политически и культурно начинающих двигаться в разных орбитах, по разным историческим путям», – резюмирует Струве [там же, с. 59]. Гранью между средним и поздним русским средневековьем Струве считает образование двух политических центров: на севере и востоке – московского государства, на западе – польско-литовского. Гранью между средневековой и новой российской историей Струве называет два события: внутреннее – кодификацию законов 1648–1649 гг. и внешнее – расширение государственных границ на Запад и Восток.

Период новой русской истории с 1648 до 1917 г. – главный, в исследовании Струве. По его мнению, это время европеизации русской социальной и государственной жизни, время превращения Российского царства в Российскую империю. Это время длительного и трудного перехода от средневекового «тяглогового уклада» жизни к свободному хозяйствованию. Главными вехами обновления России Струве называет освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. и последующие либеральные реформы Александра II, а также конституционные преобразования 1905–1906 гг. и аграрную реформу Столыпина. К началу двадцатого века, считает Струве, окончательно сформировалось хозяйственное, социальное и политическое целое российской куль-

туры, которое было разрушено трагическими событиями Первой мировой войной и внутреннеполитическим переворотом.

В течение всех последующих лет Струве крайне негативно оценивал приход большевиков к власти в 1917 г. и установленный ими политический режим. Свою статью «Исторический смысл русской революции и национальные задачи (сборник «Из глубины», 1918 г.) он прямо начинает со слов: «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 годы событий» [6, с. 483]. И спустя двадцать лет критическая тональность оценки революции не меняется. В своем заключительном труде об экономической и социальной истории России (1938) Струве так характеризует события 1917 г.: «Большевистский переворот, большевистское владычество есть социальная и политическая реакция эгалитарных низов против многовековой социальной и экономической европеизации России» [13, с. 60]. Анализируя причины, вызвавшие смену российского политического строя, автор особо выделяет искаженное восприятие идей западного социализма представителями русской интеллигенции и внедрение их в сознание малограмотного населения. В новом политическом режиме Струве усматривает две главные опасности: риск утраты свободного хозяйствования и риск узурпации власти одной партией.

Вопреки мнению большинства русских эмигрантов, видевших главным виновником русской революции самодержавную власть, Струве пытается дать многофакторную оценку царскому политическому режиму. Он справедливо утверждает: «Да, власть совершила и совершала много ошибок, да, в режиме было весьма много недостатков и темных сторон, но режимом, организацией и пороками власти никогда нельзя реалистически объяснить крушения государства и культурного падения народа» [5, с. 116]. Целый комплекс факторов, глубоко укорененных в исторических пластах прошлого, по мнению Струве, способствовал русской революции:

- долгое политическое бесправие дворянства, не способствующее росту гражданской активности;
- крепостное право, не научившее крестьянина быть мелким земельным собственником;
- безответственность русской интеллигенции с ее желанием поспешно внедрять в неподготовленные умы народных масс идеи социализма;
- мировая война с ее разрушительными последствиями и политической нестабильностью, обеспечившая восприимчивость масс к леворадикальной пропаганде.

Как уже отмечалось, для Струве обращение к историческому прошлому всегда означало возможность разобраться в ошибках настоящего момента. Разбирая любую злободневную ситуацию, он всегда искал ее прецедент в прошлом. «Историческая памятка теперь всегда естественно превращается для нас – в поучение» [4, с. 75]. Такими словами Струве резюмирует свою статью в еженедельнике «Возрождение», написанную 3 декабря 1925 г. в память об Александре I. Он находит духовное сходство в ряде черт двух российских императоров – Александра I, усопшего сто лет назад, и Николая II, расстрелянного семь лет назад. В портретах каждого политического деятеля, нарисованных Струве, переплетаются блестящая образованность и глубинный мистицизм, недоверчивость и подозрительность, умение приближать ко двору достаточно

одиозных лиц (Аракчеев / Распутин) и нетерпимость к реформаторам из своего окружения (Сперанский / Витте, Столыпин). Струве отмечает также схожесть трагизма судьбы: после смерти за каждым императором тянулся шлейф легенд и догадок (в первом случае – о Федоре Кузьмиче, во втором – о Лже-Анастасии). Во время правления обоих монархов Россия была на высоте своего процветания. Однако Струве отмечает, что внутреннее низвержение власти и внешнее ее поражение всегда обусловлены не только силой вызова, но и силой ответа на него, силой сопротивления. Вот почему, на взгляд Струве, александровская Россия смогла противостоять внешнему вызову, а николаевская – уже нет. В начале XX в. и самодержавная власть, и революционные элементы страны проявили себя беспечно: власть надеялась на свою былую силу и крепость, а оппозиция, ратуя за низвержение власти, не предлагала взамен никаких новых способов укрепления страны.

В период эмиграции на страницах своего известного «Дневника политика (1925–1935)» Струве демонстрирует целый ряд метких по форме и полемичных по содержанию характеристик известных деятелей современности. Их галерея разнообразна – Бисмарк, Муссолини, Сталин, Троцкий, Милуков, Львов, Керенский и т.д. Так, П.А. Столыпин рисуется Струве как реформатор, который «политически смотрел не назад, а вперед», хотел видеть новую Россию правовым государством с сильной властью [12, с. 158]. Такой огромный политический замысел требовал для своего осуществления широкого социального базиса. Столыпин справедливо увидел его в крестьянстве. По замыслу его аграрной реформы, русский крестьянин из государственного «тяглеца» должен был превратиться в свободного земельного собственника. Позитивно оценивая реформаторскую деятельность Столыпина, Струве отмечает его тактическую ошибку. Отстаивая и укрепляя реформами страну, Столыпин не имел поддержки в лице монарха. Для сравнения Струве проводит историческую параллель между взаимоотношениями Вильгельма I и Бисмарка. Прусский король с некоторым внутренним сопротивлением, но все же всецело отдался могучей воле Бисмарка, российский монарх – нет. Трагизм судьбы Столыпина Струве видит в том, что этот человек, несмотря на свою железную волю и ясный ум, не сумел внушить Николаю II мысль о государственной необходимости реформ, как это сделал в свое время Бисмарк. Парадокс судьбы Столыпина видится в том, что его убила не пуля революционера-охранника, а то, что, будучи «страстным монархистом», он изнемог в борьбе с монархом, символизирующим «реакционное недомыслие» [там же, с. 159].

Своеобразие русской культурно-исторической традиции – центральная тема рассуждений Струве. Из всего многообразия он выделяет два главных обстоятельства. Первое – социальная и политическая эволюция России, векторно направленная на достижение «политической свободы», совпала с развитием на западе социализма и с проникновением его идей в сознание русской интеллигенции. Второе – крестьяне не приобщились к главному стержню западной свободы – к собственности, в частности к земельной собственности. В еженедельнике «Россия» от 3 марта 1928 г. Струве пишет публикацию «О своеобразии русского исторического развития». Как специалист по экономической истории России, он не соглашается с мнением западных и отечественных коллег о том, что благодаря русской земельной общине и коллективистским формам производства русскому народу был исторически присущ «коммунизм» [8]. Наоборот,

крестьянская община и крепостное право играли негативную историческую роль – тормозили развитие собственнического духа у большинства россиян. Чувство личной собственности не успело настолько окрепнуть в среде бывшего зависимого крестьянского населения, чтобы явиться достаточной преградой для социалистической пропаганды со стороны интеллигенции. «Это совпадение социально-политической отсталости России с острыми идеологическими влияниями Запада есть главная и основная черта той самобытной обстановки, которая создалась в России к моменту потрясшей весь мир великой войны государств и народов» [11, с. 391]. Чуткий настрой Струве улавливает эти два обстоятельства – силу социалистического «яда» и готовность народа к бунтарству; в низах не был развит собственнический дух, который мог противостоять социалистической идеологии [там же, с. 392].

Но не только эти исторические причины, на взгляд Струве, объясняют свершившиеся события 1917 г. Он не исключает и иррациональные моменты развития тех событий. Все государственно-охранительные элементы страны пребывали в иллюзии о том, что русская государственность несокрушима, что большевизм – это не реальная историческая сила, а случайное наваждение, которое пройдет само по себе. «Эта иллюзия была не только мыслью, это была целая духовная атмосфера, целое душевное состояние», – пишет Струве в издании «Россия и славянство» от 20 июля 1929 г. в статье с характерным названием «Ключ к пониманию прошлого» [9, с. 458]. В результате успех большевиков был обеспечен не только силой их удара, но и бессилием ответа на него, отсутствием отчетливого сопротивления со стороны государства и общества.

Как и большинство исследователей того времени, Струве справедливо признавал, что сельское хозяйство – константа истории России. Однако при этом он ратовал за индустриализацию страны, за капиталистическое развитие. Вслед за Г.В. Плехановым и А.А. Богдановым Струве искал источники развития производительных сил за пределами производства, видел источник их развития во взаимодействии свойств географической среды и общества. Сначала в неявной форме («Критические заметки», 1894), а затем в явной («Проблема роста производительных сил в теории социального развития», 1909) Струве выдвинул положение о том, что в основе развития производительных сил лежит рост народонаселения [3, с. 339]. «Рост населения есть фактор столь же материальный, сколько и рост производительных сил, но несомненно по существу более первичный, и поэтому в учете первичных моментов его следует, рассуждая отвлеченно, поставить раньше, чем рост производительных сил. Рост производительных сил есть как бы процесс приспособления к тому положению, которое для той или иной человеческой группы создается ростом населения. Таким образом – как это не представляется на первый взгляд странным ввиду известного, крайне отрицательного отношения Маркса к Мальтусу и его учению – в основу экономического материализма в смысле Маркса должна быть положена та же мысль, которая является основой и для учения Мальтуса» [там же, с. 340].

Капиталистическая система рассматривалась Струве как «великая культурная сила, без которой невозможно создать социализм» [2, с. 285]. Россия должна пройти капиталистический путь, так как капитализм стимулирует развитие культуры сразу в нескольких направлениях: в духовном – образование становится всеобщим; в политическом – расширяются гражданские полномочия; в правовом – для нормального функционирования общества соблюдение законно-

сти становится обязательным. Тем самым капитализм видится не просто средством очищения общества от остатков феодальной рутин, а непереносимым условием для организации будущей цивилизованной жизни. Через подобное обновление должно пройти любое общество, в том числе и российское. Такого рода суждения шли вразрез взглядам видных теоретиков того времени – Н.Ф. Даниельсона и В.В. Воронцова, которые считали, что капитализм в России невозможен из-за отсутствия в стране рынка, более того, капитализм может сыграть и деструктивную роль [там же, с. 283–284].

Чтобы разобраться в столь противоречивых позициях теоретиков на природу и значение капитализма в России, рассмотрим для начала идейно-теоретическую платформу, на которой формировалось мировоззрение Струве по вопросу о культурно-экономическом развитии России. Под впечатлением работ Ч. Дарвина, Г. Спенсера и Л. Гумпловича он стал воспринимать историю как арену безжалостной борьбы, в которой устремления отдельной личности ничего не значат. Исторический и социальный прогресс, считал Струве, движется в соответствии с законами, действие которых не в состоянии отменить ни возникающие у человека желания, ни создаваемые им идеалы [2, с. 87].

Струве серьезно изучил учение К. Маркса. Он вполне справедливо выделил в марксизме четыре аспекта (теории):

– экономическую, объясняющую механизм оборота капитала и формирования прибыли в капиталистической экономике;

– социологическую, привязывающую социальный, политический и культурный институты общества к существующему в нем основному способу производства;

– революционную, предсказывающую нарастание противоречий между экономическим базисом и социальной надстройкой общества, которое приведет к свержению капиталистической системы;

– политическую, согласно которой достижение политической свободы есть существенный шаг на пути пролетариата к социализму [1, с. 71–72].

Струве принял базовый принцип марксистской теории (экономический детерминизм), но с оговоркой, что переход от докапиталистической к капиталистической ступени должен проходить мирно и постепенно. Понятый таким образом марксизм давал философу «научное» основание считать, что самодержавный режим в России должен исчезнуть мирным путем, через трансформации [2, с. 291]. Кроме того, Струве привлекли идеи немецкой социолиберальной экономической школы, которую отличало сочетание высокого уровня профессионализма с чувством социальной ответственности. Главный тезис представителя этой школы Л. Brentано – современный капитализм вынужден поощрять социальные реформы, поскольку для нормального функционирования ему нужен процветающий рабочий класс – оказал большое влияние на формирование исторического и политического мировоззрения Струве [там же, с. 119].

Внимательно изучая труды Маркса, Энгельса и их последователей, российский социальный философ пришел к пониманию того, насколько искажены были теории «научного социализма» в его стране. Поэтому он выступил с критикой русских социалистических (народнических) учений. В 1894 г. Струве пишет «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», сразу вызвавшие острую полемику в общественно-политической публицистике. Исследователи признаются, что трудно переоценить роль

«Критических заметок» для истории социалистической мысли в России. Во-первых, автор подверг марксистской критике «субъективный метод» и идеологию исторического волюнтаризма, в плену которой были умы российских интеллигентов 70–80-х гг. XIX в.; во-вторых, он внес существенный вклад в дело европейского ревизионизма [1, с. 159; 2, с. 100].

Струве выступает противником традиционного противопоставления капиталистического и народного производства. Отличие одной экономической системы от другой, на его взгляд, имеет не качественный, а количественный характер и заключается в степени интенсивности обмена. Экономический прогресс им видится как движение внутри континуума хозяйственного строя – от нижней границы, когда потребность в товарах невысока и уровень товарного производства и распределения соответственно мал (это придает экономике видимость некапиталистической. «натуральной»), до высшей границы, где при высоком уровне этой потребности устанавливается «капитализм». Переход от капитализма к более прогрессивной форме общества – к социализму должен при этом происходить исключительно эволюционным путем.

Следует отметить, что в исследовательском поле и Запада, и России конца XIX–начала XX столетия шли горячие споры о критериях разграничения исторических форм промышленности. Струве заявил, что российская кустарная промышленность никогда не была «натуральной» или «народной», а всегда – капиталистической. Он обосновал свою точку зрения с помощью работы К. Бюхера «Возникновение народного хозяйства», в которой была разработана классификация типов экономических систем. В основу этой классификации был положен базовый критерий изменения типа хозяйствования – дистанция между производителем и потребителем. Согласно Бюхеру, первым, самым примитивным типом экономической системы является «натуральное хозяйство», в котором эта дистанция попросту отсутствует, поскольку производитель является и потребителем. Следующий (промежуточный) тип – «городское хозяйство», в котором дистанция уже ощутима (работа производителя определяется заказом потребителя, а готовый продукт передается потребителю непосредственно производителем). В системе, которую Бюхер называет «национальным хозяйством», товары уже не просто подлежат обмену, а циркулируют, т. е. прежде чем попасть к потребителю, они проходят сложный путь. По мнению немецкого исследователя, существовавшие на Западе гильдии производителей относятся к городскому типу хозяйствования, так как они работали, чтобы получить следующий заказ. В духе такой типологии Струве утверждает, что российская кустарная промышленность относится к третьему типу, т. е. к «национальному хозяйству», поскольку она всегда производила товары, предназначенные для огромного рынка, на котором они приобретались неопределенным потребителем. Из этого он заключает, что становление крупной капиталистической промышленности в России не встретит столь сильного сопротивления, как это было в некоторых странах Запада, где была сильна цеховая организация производства (точно «на заказ»).

Следует признать, что Струве оказался весьма компетентным в этой сфере. Им был изучен огромный корпус источников и литературы. Из уже упомянутой работы Бюхера российский исследователь заимствовал модель хозяйственного развития, в основе которой лежал критерий отношения между производством хозяйственных благ и их потреблением. Струве соглашается с

тем, что длина пути, который проходит товар от производителя к потребителю, формирует и тип хозяйствования. Этапы формирования типов хозяйствования в истории России у него выглядят схожим образом:

- первый – замкнутое домашнее хозяйство, в котором все, что производится, потребляется;
- второй – городское хозяйство, в котором идет прямой обмен;
- третий – народное хозяйство, базирующееся на торговом производстве [7, с. 428].

Помимо трудов Бюхера, Струве изучил работу Ф. Листа «Национальная система политической экономии», из которой им была взята и переложена на историю России идея о взаимосвязи между хозяйственным строем данной территории и ее емкостью по отношению к населению [10, с. 182]. С этой же целью он изучил работу В.О. Ключевского «Боярская дума Древней Руси». Видно, что экономист Струве, как и историк Ключевский, соглашался с тем, что в недрах населения, земледельческого по своей природе, постепенно зарождались промыслы, которые и сформировали будущую кустарную промышленность. Пути сообщения были плохими, потому обмен был слабым, но вполне достаточным для того, чтобы на его фоне выросла кустарная промышленность [там же, с. 190]. Позднее, уже в первой половине XIX в., время показало, что для того чтобы получить больше доходов, следовало оживить экономическую деятельность народа. С этой целью царское правительство взялось за решение двух задач – 1) улучшение путей сообщения и строительство железных дорог; 2) отмена крепостного права, несовместимого с дальнейшим экономическим развитием страны [там же, с. 195].

Утверждая, что освобождение крестьян от крепостной зависимости вытекало из материальных потребностей государства, Струве выводит формулу экономического развития России после 1861 г.: «Земледельческая производительность должна быть повышена, а это может произойти только на почве дальнейшего прогрессивного развития всего народного хозяйства, т.е. при условии прогресса обрабатывающей промышленности. Дальнейшее развитие разделения труда, отделение обрабатывающей промышленности от земледелия... есть формула экономического развития России» [там же, с. 211]. Струве сам признается, что эта формула не нова, что она была не раз сформулирована в терминах Маркса, Листа, Бюхера, Ключевского и других исследователей.

Своеобразие промышленной культуры России, по мнению Струве, заключается в том, что кустарная промышленность долгое время играла существенную роль в экономике страны. Условия сбыта товара были таковыми, что производитель и торговец «сходились совершенно свободно», их взаимодействие не регламентировалось. И это, как считает Струве, ближе к развитому капитализму (централизованному товарному производству), чем западноевропейское цеховое производство на заказ. Особенностью хозяйственной культуры России было и то, что земледелец, порывая связь с землей, по-прежнему оставался фактическим или номинальным землевладельцем [7, с. 444]. В тот момент, когда Россия столкнулась с капиталистической культурой Запада, в ней не было сильных антикапиталистических традиций. На Западе капитализму «сопротивлялось» ремесленное производство. В техническом отношении западноевропейское ремесло подготовило капитализм, в социально-экономическом отношении оно, наоборот, создало антикапиталисти-

ческие традиции и понятия («кустарные союзы», «кустарное право»). «У нас капитализм был очень слабо технически подготовлен, но зато среда, в которую вторгся торговый капитал, была по отношению к нему юридически и культурно безоружна. Не было ни антикапиталистических учреждений, ни антикапиталистических традиций», – пишет Струве [там же, с. 443]. Он задается вопросом, «что задерживает наше развитие сегодня»? И отвечает: чрезвычайно примитивное, грубое и отсталое наследие кустарной культуры производства. С экономической точки зрения кустарная промышленность не смогла противостоять капитализму, как это происходило в западной цеховой организации, благодаря чему (и в этом есть положительный момент!) капитализм стал быстро проникать на российскую почву. Однако с цивилизационной точки зрения, примитивность кустарной культуры тормозит дальнейшее развитие капитализма [там же, с. 445].

Суммируя свои рассуждения, Струве выделяет две особенности культурно-экономического развития России с ее чертами «национального промышленного строя»:

первая – для русского экономического строя характерна кустарная промышленность как типичная форма сельского производства;

вторая – товарный характер производства обуславливает господство капитала в русской кустарной промышленности.

Здесь Струве сам себе противоречит: с одной стороны, он считает, что указанные им черты находятся в известной генетической связи с экономической отсталостью России; с другой стороны, он полагает, что кустарный характер производства в известном отношении тождественен развитому капитализму. Этим Россия отличается и от стран Западной Европы, и от стран Восточной Европы. В первом случае (Западная Европа) капитализм столкнулся с глубоко отличной от него промышленной культурой (с цеховой организацией), во втором (Восточная) – с полным отсутствием таковой [7, с. 446]. Впоследствии положение Струве о капиталистическом характере российской кустарной промышленности было принято и детально разработано историками экономики, в частности М. Туган-Барановским [1, с. 298].

Струве тонко подмечает, что со времен П.Я. Чаадаева в философии русской истории нередко звучит мысль о том, что историческим преимуществом России является ее «молодость», ее «естественная отсталость», ее «поздний приход на историческую сцену». Сам он не согласен с подобными высказываниями: «Наша отсталость ... порождает беспомощность и слабость культурных традиций. ... Столкнувшись с развитым капитализмом, мы не могли передать ему сколько-нибудь высокой техники, не могли встретить его какими-нибудь прочными организационными традициями». Иными словами, в России не было возможно поддержать позитивные стороны капитализма (разделение труда), зато негативные его стороны (безработица) – «обострили нашей некультурностью» [7, с. 447]. Как видим, Струве последовательно придерживается своей позиции, очерченной еще в «Критических замечаниях»: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» [10, с. 290]. Он не рассматривает капитализм как абсолютное зло или промежуточный период развития. Для Струве капитализм есть необходимый этап в культурно-экономическом развитии России, предшествующий социализму.

Со страниц своих работ Струве предстает как патриотически настроенный деятель России конца XIX – первой половины XX века, искренне желающий разобраться в событиях текущего дня и недавних потрясениях прошлого. Он интересен как политик и теоретик, старающийся оценивать без предвзятости те или иные события и давать емкую характеристику тем или иным действующим лицам. Ключом к такому пониманию и дальнейшему оцениванию ему видится обращение к историческим корням и сравнительным параллелям. Обращение к истории позволяет ему выявить особенности русской культурной традиции, которые во многом оказались не способными выдержать натиск капитализма и политических событий 1917 г.

Список литературы

1. Пайпс Р. Струве: левый либерал. 1870-1905. / пер. с англ. А. Цуканов. М.: Московская школа политических исследований, 2001. Т. 1. 552 с.
2. Пайпс Р. Теория капиталистического развития П.Б. Струве // Петр Бернгардович Струве / под ред. О.А. Жуковой, В.К. Струве. М.: РОССПЭН, 2012. С. 279–293.
3. Семенов Ю.И. Философия истории. М.: Современные тетради, 2003. С. 338–342.
4. Струве П.Б. Александр I Благословенный и Николай II замученный. Столетие смерти Александра I // П.Б. Струве. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. С. 73–75.
5. Струве П.Б. Двадцать лет русской истории // П.Б. Струве. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. С. 115–117.
6. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины сост., автор вступ. ст. и комм. Н.И. Канищева. М.: Республика, 2010. С. 483–501.
7. Струве П.Б. Историческое и систематическое место русской кустарной промышленности (Ответ П.Н. Милюкову. 1898) // П.Б. Струве. На разные темы (1893–1901): сб. статей. СПб.: Тип. А.Е. Колпинского, 1902. С. 427–447.
8. Струве П.Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства // Петр Бернгардович Струве: Избранные труды / сост. О.К. Иванцова; авт. вступ. ст. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 456–482.
9. Струве П.Б. Ключ к пониманию прошлого // П.Б. Струве. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. С. 457–458.
10. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России / П.Б. Струве. Вып. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1894. 291 с.
11. Струве П.Б. О своеобразии русского исторического развития // П.Б. Струве. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. С. 390–392.

12. Струве П.Б. П.А. Столыпин // П.Б. Струве. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. С. 157–159.
13. Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности // Петр Бернгардович Струве: Избранные труды / сост. О.К. Иванцова; авт. вступ. ст. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 41–316.
14. Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 237 с.

SPECIFIC FEATURES OF THE RUSSIAN CULTURAL AND HISTORICAL TRADITIONS IN THE VIEWS OF PETER STRUVE

A.E. Varpetian

Tver State University, Tver

Specific features of the Russian cultural tradition in the philosophy of Peter Struve are analyzed in the article's format. It is revealed that the author uses the methodology and the content potential of the social and economic history of Russia to uncover the essential characteristics of its cultural and historical tradition. The philosopher came to the conclusion that Russian cultural traditions were formed slowly, under the specific historical and political conditions, within the complex context of foreign policy collisions. This caused weakness or lack of strong organizational forms of social and political life. Therefore, most elements of the cultural tradition would diminish or disappear under the modernizing push of capitalism at the turn of the 19th and 20th centuries and in the subsequent conditions of world war and revolution.

Key words: *P.B. Struve, Russian philosophy, culture, cultural tradition, history, society, politics, economics.*

Об авторе:

ВАРПЕТЯН Акоп Эмильевич – аспирант кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета. E-mail: dragon.92@mail.ru

Author information:

VARPETIAN Akop Emilyevich – Ph.D. Student of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University. E-mail: dragon.92@mail.ru.